

Часть первая

Отдалить неприятности

I

Роста Тобиас небольшого. Волосы темные. Голос — как у истерички или маленького мальчика, будто он так и застрял в детстве. Он может быть необычайно спокоен, но чаще суетится, отмахиваясь от мрачных мыслей, как зверь от мотыльков.

Без костылей он бы не прожил. Пусть это вредно, пусть медленно разрушает его, но все лучше, чем сразу утопиться в водах Шпрее или удавиться на ремне.

Не то чтобы ему не хватало мужества жить — скорее, потерпев в этом деле поражение, он понял, что это не его. Наркотики его спасают, как убивают других. Медленное разрушение из инстинкта самосохранения. Они не дают перейти к действию, обрушить себе на голову грубый и решительный удар.

Детство Тобиаса отличалось трагизмом рубрики происшествий. Его искалечил дядя — годы мучений, в которые никто не хотел верить.

Каждый раз, как он ехал в Кёльн, все повторялось: он знал, что дядя снова сожмет его в своих сильных объятиях, из которых он выйдет с еще чуть большим надломом внутри. Но он не говорил об этом — первый раз ему не поверили; теперь оставалось молчать и крепче сжимать челюсти. Всего неделя в его руках; и он вернется назад к отцу; заботиться о нем, конечно, не будут, но и трогать тоже. Он снова пойдет в школу и больше не увидит дядю — до следующих каникул. Несколько месяцев покоя.

Тобиас никогда не любил каникулы.

Непонятно было, что делать с этим ребенком, который в семь лет уже пытался покончить с собой: утопиться в раковине. Его отправили к матери, в Нью-Йорк — подальше от отчей Германии.

Дядя умер ровно тогда, когда Тобиаса наконец увезли от него подальше и он дорос до того, чтобы давать отпор. Превратности судьбы.

В Штатах мать была очень любящей: как только может любить мать задним числом. Но жребий был брошен, детство оставило свой след. Она не знала, как подступиться к сыну, который медленно становится взрослым. Не знала, куда приложить свою нежность. Она чувствовала, что внутри Тобиас уже сломлен, хотя и не признавалась себе в этом. И каждый день, отправляясь

на работу в аэропорт, она оставляла на кухонном столе пару купюр и хороший обед, аккуратно завернутый в фольгу: только разогреть. Она не знала, что еще сделать. Время от времени она водила его в кино.

Тобиас разговаривал мало, как будто не чувствовал надобности.

Каждый день нужно было встать, пойти в школу, что-то сказать на английском, аккуратно выбросить мамин обед в контейнер у дома — так, чтобы она его не нашла — и купить на углу хот-дог или кусок пиццы на деньги с кухонного стола.

Он гулял по улицам, потом шел домой. Ждал мать.

Короткий разговор про день, снова еда — и сон, единственная награда.

Он все делал мимоходом, как бы отбывая повинность существовать.

Тобиас был одинок, но главное — ему было скучно.

Он мог бы выбрать книги или музыку. Но выбрал вещества. Может, оттого, что ему предложили, может, потому, что это было ближе к его потребностям. Считается, что это рискованно — будешь жить в стороне от всех, будто в невиданной прежде части света.

Ему открылись неизвестные прежде ощущения: скука отступала, приятное тепло обволакивало его со всей нежностью. Он встретил людей, чем-то похожих на него, хотя в чем-то и других. Его полюбили — новичка, совсем молоденького, моложе всех, довольно забавного и всегда готового услужить.

Ведь прежде всего Тобиас старается доставить вам удовольствие. И дозой, и жратвой, и подарком, и письмом.

Наркотик для него — не одинокое дело, а то, что нужно разделить с ближним, как любовь. Достичь наслаждения вместе, вдали от остальных. Больше, чем наркотики, Тобиас любит наркоманов. В их круг он и бежит. Здесь свои привычки, свой распорядок дня, свой мещанский быт — дома, перед зеркалом. Шторы задернуты, мы среди своих, мы все домоседы. Старые девы кайфа собрались поболтать; лица всегда одни — здесь только те, кто нашей веры. Трезвенников нужно бежать как чумы.

Он вошел в их круг и больше не вышел, где бы ни бросал якорь. Всюду та же община, закрытый мир тех, кто думает, что живет ярче.

В двадцать лет он поехал к сестре в Париж. Они почти никогда не жили вместе. Когда Тобиаса отправили в Штаты, сестра, старше его на три

года, была сослана во Францию, к деду. Когда уже не знают, что делать, пият семью.

Хоть они и не виделись с тех пор, какая-то сила скрепляла их: может, кровь, может, детские воспоминания, кто знает. Он ехал не столько к ней, сколько от вещей. Она ничего не знала и приняла его без единого слова, как брата.

Опять знакомство с новым языком и новыми улицами. Орыв от корней — так прошло все становление Тобиаса. Американцем он ощущал себя больше, чем немцем. Может, скоро и Франция станет своей.

Они жили в небольшой квартире на улице Кампань-Премьер. Тобиас спал на диване — он редко изменял этой привычке. Каждый день сестра шла на работу. Что за работа, Тобиас толком не понимал; по телефону она говорила о встречах с клиентами и защите каких-то интересов. Только вечером он ждал ее, как прежде все эти годы ждал мать.

У сестры Тобиас вел спокойную жизнь. Днем он исследовал новый город. Учил французский, бродил по улицам. Потом, не зная, чем еще заняться, готовил ужин. По выходным они ходили в кино.

Тобиас думал о наркотиках. В трезвой жизни было что-то тусклое. Об этом он не заговаривал. Сестра чуяла в нем какой-то надлом, но потом

перестала об этом думать — из-за того, что случилось.

Она встретила Стефана. Они работали вместе — классический роман у кофемашины. Вскоре рядом с влюбленной парой Тобиасу стало трудно чувствовать себя братом. Прогулки втроем надоели быстро, как и депрессивный младший братец на диване, этот милый мальчик, который, если не считать готовку ужина, похоже, не предпринимал ничего, чтобы заполнить пустоту влачи-мого им существования.

Тобиас раздражал Стефана своей вялостью. Он уже мужчина, черт возьми, ему надо работать, найти себе квартиру. Нельзя всю жизнь проспать на сестрином диване, нельзя всю жизнь варить супы, словно бабулька на иждивении. Давай, старик, соберись! С жизнью нужно драться, лезть вверх по лестнице. У камина отдыхают после, а сперва — марафон. Вспотел, отдышался — и дальше потеть! Париж ты теперь знаешь, знаешь, что да как. Найди себе место. Разомни мышцы. А не то тебя сожрут. Кто не барахтается, того сжирают. Отличная добыча — лежит на диване и в ус не дует. У меня есть знакомые, место мы найдем. Но если ты сам не захочешь, я бессилен. Это война, сынок. Скачи во весь опор, а не то подстрелят. Берегись ловушек, прыгай в окоп — и ползком. Еще не поздно взяться за ум. Я все это

потому говорю, что люблю тебя. И люблю твою сестру. И, понимаешь, когда ты торчишь между нами, это нас разделяет. А я этого не хочу. Тебе пора заняться своей жизнью. Ты уже мужчина, пора вставать на ноги. И бежать. Вспотел — отдышался, вспотел — отдышался.

Ну, пойдем, попробуем, что ты там сегодня наварил. Ты славный парень. Я тебя люблю, ты знаешь. И люблю твою сестру.

Стефан и отвращал, и притягивал Тобиаса. Он выглядел таким сильным, будто с кожи его соскальзывали любые заботы. Да, жизненные беды были над ним не властны. Он стоял на ногах крепко, гордо, по-молодецки, как бритоголовый солдат. Тобиас же был белобилетчик по призванию, с экзистенциальной хромотой. Без костылей идти своей дорогой он не мог.

Но поскольку победа всегда за солдатами, Тобиасу пришлось подняться с дивана. Он нашел небольшую мансарду на улице Эколь, а заодно и работу — в кафе на бульваре Сен-Мишель.

Поначалу коллеги не обращали на него внимания. Какой-то неженка, на педика похож. То есть он им и был, но признаться не мог.

Он не знал, о чем говорить с ними. То были парни вроде Стефана. Боевые, закаленные жизнью, гордящиеся своим костюмом и местом. Они

болтали о красотках, с которыми мутили, и Тобиас чувствовал, что он один. Он работал и подышал со скуки. Маленькую бутылку «Виши» и два кофе; счет восьмому столику; один кофе со сливками и два горячих шоколада; счет восьмому столику, счет восьмому столику.

Каждый день он надевал черный жилет с куцей карманов для мелочи, носил алюминиевый поднос, открывал мятный ликер и молочные коктейли. Получал он неплохо, почасовую и чаевые, в тот же день и наличными, пожалуйста. Все схватывал быстро, работал всерьез. Потихоньку коллеги полюбили его, хотя он никогда и не ходил с ними выпить после смены.

Но один раз все же пошел. Смена выдалась мерзкая. Все поголовно решили нахлестаться капучино со своими цыпочками. Все эти люди, которые будто никогда не работают.

После смены они вместе пошли в другое заведение на улице д'Асса. Там хозяин не брал платы и был шанс подцепить цыпочку. А еще там наливали «Пикон» с пивом и был кокаин. Так Тобиас снова сунул соломинку в нос — вдали от нью-йоркских приятелей, в кругу коллег, но точно так же ради чувства, что живешь, — чтобы не думать ни о чем и ощущать себя сильным, как Стефан.

В тот вечер они знатно повеселились на улице д'Асса.

Он сорвался немного, но это его не беспокоило. Наконец-то у него нашлось что-то общее с коллегами, с Морисом, Поло и Жеже. Он чувствовал, что он свой, и, боже, как это было прекрасно! Жизнь его потекла между мансардой на улице Эколь и быстро на бульваре Сен-Мишель, а ритм задавали дозы.

На улице Эколь, в третьем подъезде многоэтажки, на верхнем этаже, где одни мансарды и нищета, на площадке, где срут все кому не лень, у Тобиаса завязалась дружба с соседом.

Жером, судя по всему, не работал. Вставал поздно, слушал музыку. Тобиас отлично слышал ее через стену в те дни, когда не было смены. Этот парень жил совсем иначе: чувствовалось, что и времени, и удовольствий у него вдоволь.

Может, из-за тонкости разделявшей их стены Жером с Тобиасом и сдружились. Они заходили друг к другу на стаканчик. Впервые в жизни Тобиас говорил открыто — и впервые его слушали.

Как-то вечером, за граппой, Тобиас задумал угостить Жерома кокаином. Он решился не сразу и зашел так: «Если хочешь, у меня тут есть кое-что для бодрости, мы на работе принимаем». Жером смеялся от души. «Знал бы я, что ты в теме... Ну давай, одну дорожку, потом мой черед угощать». Да, он посмеялся от души, ведь он зарабатывал на кокаине.

Весь вечер они нюхали, немного плясали под граммофон Жерома и говорили торопливо, будто спешили вывалить все мысли, торпедами носящиеся в голове.

Вечера под граппу стали вечерами под кокс, а в остальном они сидели как прежде, то у Тобиаса, то у Жерома, и болтали.

По сравнению с тем, что у Жерома, у Поло и Мориса снег был просто дрянь. Однажды на работе Тобиас дал им попробовать. Без вопросов, хорош. Зубов не чувствуешь, в голове полно идей, и жизнь уже не в тягость.

Тобиас и Жером заключили союз. Одно только быстро на бульваре давало солидный навар.

Для Жерома все это было временно. Он хотел уехать из своей мансарды — в Монтевидео, к единственной девушке, которую любил. Он говорил об этом постоянно. Эх, еще немного — и конец такой жизни; только солнце, Луиза, свое скромное дело на двоих, и вкус свободы, от которого перехватывает горло. Но нужно скопить денег на самолет и на первое время там: не являться же с пустыми карманами.

Луизу он видел всего неделю, пока она не вернулась на родину. Но с первого мига понял, что вот она — его будущая жена.

У Тобиаса Луизы не было, но такой приработок ему нравился — может, однажды он переедет.

Все было просто. Жером занимался снабжением — у него были связи — и постоянными клиентами, с которыми давно имел дело. Тобиас распространял товар в кафе на бульваре, но только среди коллег и надежных завсегдатаев: главное — не попадаться.

Вдвоем они, как ни в чем не бывало, охватили немалую клиентуру. Затраты отбивались быстро. Работа не досаждала: несколько рукопожатий — и сколько хочешь порошка, словно из бездонной бочки. Тобиас стал меньше работать в кафе на бульваре. Иногда виделся с сестрой. Она собиралась замуж за Стефана. Они хотели детей.

Затем, поскольку Луизы у Томаса не было, Жером решил ему ее найти. А то сколько можно — все один да один.

Тобиасу было непросто сказать Жерому, что ему нравятся парни, что нужна не Луиза, а Луи. Но Жером тут проблемы не видел. Ему, например, нравились и те, и другие: и девушки, и парни.

Итак, он повел Тобиаса по гей-барам. Новый мир распахнулся перед ним — мир простого и грубого секса; торч, влажные тела, чужие руки, которые хватают и трогают его, запросто и повсюду; твердые члены и крепкие мышцы.

Они и там продавали немного кокаина, но главное — трахались, сколько хватало сил. Брали чужие зады и чужие члены, пока от них не начнет тошнить.

Тобиас ощутил покой. Как только его одолевала скука, он бежал в эти бары; его узнавали, он стал здесь своим. Атмосфера скрытности, чувство, что ты на своем месте, но главное — ярость, которую он выплескивал среди этих голых тел, которым не терпится доставить ему удовольствие — да, эта атмосфера, это чувство и эта ярость наделяли его своего рода мудростью, мудростью спокойного человека. В этих пропахших, пропитанных потом, грубой силой и грубой любовью барах Тобиас узнал, что наслаждение могут давать и другие люди, что не только порошку дано заставить его душу трепетать. Чужие тела тоже могут дарить удовольствия.

Жизнь начинала ему нравиться. У него было странное чувство, как бывает порой после путешествия: ты знаешь, что изменился, и хочешь все рассказать, но не находишь слов — никто не поймет. Он чувствовал, будто живет ради чего-то. И неважно, что это порошок и чужие зады: он нашел свое место, свое удобное кресло. Он чувствовал, что находится здесь по праву. Да, ему нужно сесть именно на эту подушку — и никто его не осудит. Фантастическое чувство — знать, что нашел собственное

место. Вот оно, можно потрогать пальцами — да что там, всей ладонью, ведь оно — наше!

Дни пролетали быстро — в барах для оргий, в кафе на бульваре, в мансарде. Он сжимал члены, носил подносы, готовил пакетики с кокаином. Ему нравилось сидеть один на один с электронными весами. Хорошая горка слева, нож, кусочки пленки. Насыпаешь грамм — всегда чуть меньше — это бизнес. Запайваешь зажигалкой. И получившийся шарик уже воплощает собой деньги. Подсчитываешь спокойно: ты у себя, бояться нечего. Целая куча маленьких шариков, только сунуть в карман и продать. Это основа основ.

Эх, как же здорово платить за жилье, не заботясь, хватит ли, пить то, что хочется, там, где хочется, и не копаться в мелочи перед сигаретным ларьком.

Скоро в кафе он стал работать только два дня в неделю. В пятницу и субботу, когда спрос на их шарики больше всего. После смены он заходил с Морисом, Поло и Жеже на улицу д'Асса. Нюхал с ними немного, да и потом, там тоже были клиенты, а значит, снова какие-то деньги; как Моллой с камушками, он клал их в левый карман, доставал шарик из правого — вечный цикл. Ему казалось, что он доставляет им удовольствие; продает им немного счастья. Сам-то он ведь берет этого счастья сколько хочет! И теперь делится

им, этой искусственной бодростью, пробуждающей душу. Ох, как хотел бы он всегда быть таким и чтобы не надо было совать в нос соломинку.

Одним субботним вечером в каком-то баре для оргий он встретил Виктора. Они трахались исступленно. Однако в этот раз голод его был утолен. После Виктора ему не хотелось других задов, других членов. Он словно заполнился им. И этого было довольно. Их тела дополняли друг друга, будто могли общаться, и легкость переливалась через край.

Виктору было тридцать пять, лет на десять старше Тобиаса. Каждый назвал свое имя. Телефона у Тобиаса не было; он записал номер Виктора.

Они расстались перед баром, где и встретились, — поцеловались робко, будто хотели воссоздать смущение первой встречи, словно они и не трахались так грубо в этом провонявшем, пропитанном телами подвале.

— Позвонишь?

— Да. Только подожди немного.

Светало. Было свежо, но приятно. Тобиас курил. Он шагал медленно — витал. Если бы кто-то повнимательней присмотрелся к его лицу, пока он шел домой в ту особую ночь, то заметил бы, как легкая улыбка проступила на его губах. Не улыбка

Оглавление

Часть первая

Отдалить неприятности 5

Часть вторая

Двери закроются автоматически 75

Часть третья

Зима 125

Часть четвертая

«Земля обетованная вдруг отступила»141

Часть последняя

Весна 159

Оскар КООП-ФАН ЗАВТРА В БЕРЛИНЕ

Берлин. Ночные клубы с круглосуточными веществами, выпивкой, танцами под техно-музыку и сексом в грязных туалетах. Никаких пауз. Никаких стопов. Трое молодых людей с разной жизнью, разным детством, проведенным в разных странах, случайно встречаются именно в этой точке, объединенные смутной душевной тоской. Город приоткрывает им двери в мир, существующий вне времени и пространства. Мир, способный спрятать их от прошлого, голоса которого каждый из них старательно заглушает. Но в Берлине жизнь молодых людей движется круто вниз по спирали, рискуя затянуть их в мрачную бездну, и *«в какой-то миг становится так мерзко, что хочется все остановить»*.

«Завтра в Берлине» — это смелая ода молодости и желаниям, служащая ярким напоминанием о том, что побег — всего лишь иллюзия.

25
ЛЕТ ИЗДАТЕЛЬСКОМУ ДОМУ
ГОРГОДИЩЕ

